

Религия и ментальность

Религия — один из факторов, определяющих категориальные структуры, стиль и особенности менталитета. Религиозная традиция формирует ценностную систему, духовно ориентирует человека, предлагает глубокую интерпретацию бытия. Именно религия во многом обуславливает сакральное измерение культурного пространства, организует иерархию ценностей.

Религиозные основания менталитета находят особенно яркое воплощение в художественном творчестве, что обусловлено близостью искусства и религии, выражающих стремление к абсолютному, потребность в совершенстве. Не только обращение мастеров культуры к определенным мотивам, темам, образам, но и интенциональная направленность их творчества во многом определяется духовно-религиозным контекстом. Культурная традиция с необходимостью детерминирует творческие проявления художника, определяет духовные измерения, тематику и образный строй произведений. В одном из своих интервью эту “зависимость” от коренной религиозной традиции выразил Федерико Феллини: “Мне нравится католическая религия, и как я мог бы, родившись в Италии, выбрать какую-то другую? Мне нравится ее хореография, ее неизменные и гипнотические церемонии, пышная постановочность, мрачные песнопения, катехизис, выборы папы римского, грандиозный похоронный ритуал. Я испытываю чувство благодарности за все нелепости, непонятности, табу, составившие огромный, исполненный диалектической противоречивости материал, предпосылки для животворных бунтов <...> Католическая мысль, так же как и исламская или индуистская, — это интеллектуальная структура, которая, установив определенный кодекс поведения, стремится снабдить нас компасом, ориентирами, которыми бы мы руководствовались, идя по таинственному пути человеческого существования; это умственное построение, которое может спасти нас от экзистенциального ужаса отсутствия смысла жизни”¹.

Ситуация современной культуры характеризуется богатством, сложностью, многоплановостью мировоззренческих и духовных парадигм. В ней проявляются и противостоят многообразные религиозные и квазирелигиозные, вольнодумные идейные и духовные течения, представлены образцы высочайшей духовности и образчики нигилизма, тонкий интеллектуализм и откровенный консьюмеризм. Творчество мастеров культуры XX в. поражает своей многоликостью,

стилистическим разнообразием, плюрализмом, сочетанием разнообразных тенденций. Многоплановый мультикультурный ландшафт современного общества во многом определяется разнообразием представленных в нем религиозных традиций. Каждое из влиятельных религиозных направлений создает свою духовную ауру, проектирует особую ментальную направленность, своеобразно редактирует систему ценностей.

Общеизвестно определяющее влияние Православия на формирование национального менталитета, ведущих тенденций в развитии нравственного сознания, художественной культуры, философии и литературы восточнославянских народов. В творчестве мастеров культуры России, Беларуси, Украины ярко проявляются созерцательно-философская установка, стремление к постижению умной красоты, гармонических основ и сущностного единства бытия, мистический реализм, духовная ровность, сокровенность и сердечность, определяемые православным культурным контекстом. Эти особенности православного духа ярко выразились в творчестве Ф.М.Достоевского, Н.В.Гоголя, Н.А.Лескова, Т.Г.Шевченко, Ф.И.Тютчева, В.С.Соловьева, М. Богдановича, А.И.Солженицына, В.Распутина, и многих других замечательных мастеров русской, белорусской и украинской культуры.

Не менее существенным и определяющим стало влияние католической духовности на западноевропейскую литературу, философию и искусство. Показательным представляется творчество таких мастеров слова XX в. как Жорж Бернанос, Гилберт Кит Честертон, Клайв Льюис, Грэм Грин². Католический роман во французской, английской, немецкой, итальянской, испанской, северо- и латиноамериканской литературе оценивается как одно из самых значительных явлений культуры XX в.

Для творчества многих современных мастеров культуры характерно обращение к библейским мотивам и образам. К интересным литературно-художественным интерпретациям библейских тем и героев можно отнести романы и повести Томаса Манна, Пера Лагерквиста, Роберта Грейва, Марии Фредриксон, Генрика Панаса и других писателей XX в.³

Проблематика, связанная с мультикультурными процессами в современном мире, ярко отразилась в творчестве таких выдающихся писателей как Герман Гессе, Хорхе Луис Борхес, Уильям Голдинг, Торнтон Уайлдер, Джон Фаулз, Маргерит Юрсенар, Олдос Хаксли, Джон Сэлинджер. В произведениях этих мастеров нашли отражение проблемы аккультурации, взаимодействия духовных парадигм различных культур. Большие художники пристально всматриваются в

социокультурные процессы становящегося глобального мира, стремятся предугадать контуры духовного будущего человечества.

Лютеранский духовный контекст отчетливо проявляется в творчестве таких видных представителей скандинавской литературы и кинематографа как Август Стриндберг, Ларс Юлленстен, Артур Лундквист, Ингмар Бергман.

К числу выдающихся представителей скандинавской художественной культуры следует отнести одного из крупнейших писателей XX ст., лауреата Нобелевской премии по литературе Пера Лагерквиста. Творчество признанного классика современной литературы представляет огромный интерес для филологического, литературоведческого исследования. Каждое из этапных произведений писателя оценивается как литературный шедевр. Не менее важным представляется философская и культурологическая интерпретация творчества Лагерквиста, что является весьма сложной задачей. Писатель не стремился к эзотеричности, намеренному усложнению смысловой и образной сути произведений. Его писательское кредо: "Ясность, простота, глубина. Я пытаюсь объединить эти понятия. Чтобы слить их воедино"⁴. Манера письма мастера удивительно проста, стиль чужд всяким искусственным усложнениям. Каждый образ Лагерквиста органичен, естественен, прочно укоренен в структуре произведения, вырастает из своей эпохи, культуры и одновременно наделен чертами универсальности, глубокой человечности. Писатель рисует личность во всей сложности и глубине. Каждый из героев являет собой яркий художественный образ и одновременно экзистенциален, соотносен с первоосновами бытия, в нем реализуются сущностные модели человеческой жизни.

Стержнем образов Лагерквиста является их внутреннее, личностное измерение. В своем герое писатель показывает, какова вера его, что является для него святым, чему он поклоняется и что почитает. Герои произведений Лагерквиста наиболее полно раскрываются через их соотношенность с Богом, устремленность к святому и совершенному. В конце жизни автор приводит свои персонажи в определенное пространство, соотносимое с их подлинными ценностями и предпочтениями, в то место, которого они заслуживают.

Образный строй произведений Лагерквиста прямо соотносится с миром христианских образов и мотивов. Творчество писателя, безусловно, определяется протестантским духовным контекстом. В его произведениях проявление христианской ментальности подчас происходит в форме негации, внутренней самокритики традиции.

Всегда оставаясь самостоятельным и своеобразным мастером, писатель испытал различные идейные и духовные влияния. Если личное интеллектуальное развитие писателя происходило в форме обострения критического отношения к протестантской традиции, то творческое сопряжение с христианскими ценностями, образами и мотивами оказалось нерасторжимым. Пер Лагерквист активно обращался к библейским образам, дохристианским сюжетам и героям, почерпнутым, в частности, в античном наследии, традиционных скандинавских легендах и поверьях.

Центральной темой одного из ключевых произведений Лагерквиста, романа "Карлик", является проникновение зла в человеческий мир, его разрушительное, ужасающее господство над человеком. Карлик, основной персонаж произведения, как и близкий ему в своей бесчеловечности, беспощадности и бездушии кондотьер Боккаросса, предстают продолжателями древнего рода карликов и великанов, появившемся еще во вселенском хаосе. В этих образах воплощены темные, разрушительные стихии, угрожающие устроенному, гармоничному космосу – обиталищу человека. Порождение необузданной, некультуренной стихии, они покушаются на все истинно человеческое. Человеческое противостояние Карлику и Боккароссе в романе воплощает Бернардо, образ, навеянный личностью Леонардо да Винчи. В этом образе писатель показывает подлинного человека с его достоинствами и слабостями, глубиной и противоречиями, стремлением к истине и совершенству.

Тема духовного кризиса, устремленности к вере, поиска высшего и абсолютного является ключевой в творчестве Пера Лагерквиста. Одним из важных ее воплощений предстает образ Вараввы. Этот персонаж из одноименной повести принадлежит тьме. Как бы из тьмы появляется он на свет, и в нее же суждено кануть его душе. Никогда не видит Варавва звезд на ночном небе. Он причастен царству смерти, его душа почти безжизненна, как бы окаменела для добра, "он был заперт в самом себе, в своем царстве мертвых"⁵. Нелюдимый, одинокий Варавва ощущает глубокую внутреннюю сопряженность с Иисусом Христом. В представлении Вараввы Иисус умер именно вместо него. У Вараввы возникает чувство избранности, особой соединенности с Распятым. Писатель показывает, что в лице Вараввы отпущен каждый человек, смертью Христа избраны, избавлены все люди. Далеко не самое главное ускользнуть от прямого и, скорее всего, заслуженного наказания. Подлинная человеческая жизнь не бывает без страданий и муки. Символ

Вараввы — его рабская пластина с надарапанным на ней, но перечеркнутым именем Христа. Он хотел иметь веру, стать близким Богу света и любви. Но это ему не дано. Он пронизан противоположными началами бытия. Всю жизнь из всех храмов изгоняли Варавву, признавая его нечестивцем. Не потому ли, что он ни с кем не был связан, не умел любить и ценить людей: “Любите друг друга — это ему не нужно. Он сам по себе”⁶.

Тема скитальчества, поиска совершенства, устремленности к святой земле и ее обретения становится доминирующей в зрелом творчестве Пера Лагерквиста. Писатель развивает свою излюбленную мысль о духовном как особой реальности. Святая земля должна существовать, ее не может не быть у каждого человека. Наиболее ярко эта тема воплотилась в трилогии о пилигримах: “Смерть Агасфера”, “Пилигрим в мире”, “Святая земля”.

Центральным образом трилогии является Агасфер. Трагедия Агасфера — это трагедия обыкновенного человека, такого как все, живущего повседневными трудами и радостями. Безоблачность жизни порождает в его душе жесткость, нравственную глухоту. Проклятие Христа опустошает душу Агасфера, переворачивает его жизнь. Он мечтал не умереть, но вечность, на которую он обречен, отнимает жизнь, вкус ко всем ее проявлениям. Все чуждаются Агасфера. В его облике проступают черты безжизненности. Но глаза Агасфера не пусты. Они полны отчаяния. Агасфер обречен уйти во тьму отчужденности и одиночества. По-настоящему для него существует только Бог. Агасфер вступает на долгий и таинственный путь богопознания. Спустя столетия в судьбе Агасфера происходит глубинная перемена. Эгоизм и отчужденность теперь не всецельны в его душе. Он уже не так одинок, пробуждается способность сопереживания. В образе маленького послушника сам Христос приближается к нему с раскрытыми объятиями любви и милости. Спасение Агасфера заключается в возвращении в мир человеческих отношений и чувств.

Образ Джованни венчает развитие богоборческих мотивов в творчестве Лагерквиста. В этом мощном персонаже воплощена трагедия бескомпромиссного вольнодумства. Бывший священник, Джованни покончил со своей религиозностью и стал законченным безбожником. Он почитает море, изначальную, всеведующую стихию, мудрого наставника, показывающего бессмысленность суеты и устремлений человека, незначительность всего. Море сформировало Джованни. Ему свойственна

приземленность, суровость, простота. Джованни погружен в земной мир, казалось бы, для него не существует духовная реальность. Он не отрывается от прозы жизни; никогда Джованни не верил в то, что надежды людей сбудутся. В этом он един со Смертью, признающей его значительность: “Мы можем беседовать с тобою: ты и я; я редко могу это сказать о ком-либо другом, даже если обмениваюсь с ним мыслями. А мы с тобой понимаем друг друга. Ты провидел многое, как и я”⁷.

До старости Джованни плавает на пиратском корабле. Когда же Джованни ослеп, его высаживают на пустынный берег. Там живут примитивные пастухи, не имеющие представления о Боге. Само слово Бог им неизвестно. На берегу стоят развалины древнего храма. Как бы исполняется мечта Джованни: “Неужто мы так долго скитались по морям, что все храмы уже заброшены, а все боги успели умереть”⁸. Он, по-прежнему суров и непреклонен, ни к чему не стремится. Место исполнения его желаний голо, пустынно, мрачно, покинуто. Правда, он ослеп и не видит этого. Вероятно, образ последнего пристанища Джованни — на обломках храма — призван показать разрушительность, бесплодность безбожия, его неотвратимую связанность с руинами жизни и культуры. Писатель напоминает о том, что религиозная потребность неизбывна в человеке: она — “одна из самых могучих первопричин возникновения человеческой души. Без этого нас просто не было бы”⁹. И для Джованни пустой медальон, средоточие его веры, любви, ожиданий — единственная ценность, с которой он никогда не расстается. В медальоне как бы скрыта, упрятана его человеческая сущность. Снимая его с шеи Джованни, Смерть дарует ему вечный покой.

Тонким лиризмом проникнут созданный в произведениях Пера Лагерквиста образ Богородицы, поражающий своей чистотой, благородством, безыскусностью. Она — избранница, соединившая человечество с Богом. Но ее собственный удел — скорбь и страдание, она постоянно там, где наиболее нужна людям, на расстанях, перепутьях их жизни. Она там, куда устремлены человеческие чаяния и ожидания. Писатель подчеркивает, что мечты, надежды, идеалы определяют сущность человека. Они — самое прекрасное, что есть у него, и Богородица — их вечная хранительница.

Художественное воплощение образа Иисуса Христа — задача, на исполнение которой имеет право претендовать только выдающийся мастер. В творчестве Лагерквиста обращение к высочайшему образу христианства происходит органично и деликатно. С Иисусом Христом

соотносится вся система художественных образов писателя. Суть многих своих героев Лагерквист раскрывает через то, как они видят Иисуса. Именно через их восприятие передаются неземные, божественные черты Спасителя. Для Палача, главного героя одноименной повести, Иисус подобен наивному и бесхитроственному ребенку, восхищенному прекрасной гармонией мира. В облике Иисуса, в соответствии с западнохристианской традицией, подчеркивается щедрость, слабость, некоторая женственность. Таким увидел Иисуса распявший его Палач, своими мрачными, кровавыми глазами. Персонажи, соотносимые с тьмой и злом, остро ощущают свою противоположность и борются с Иисусом за власть над людьми.

В художественном творчестве и эссеистике Пера Лагерквиста развертывается мощная гуманистическая концепция человека, получившая выражение в традиционных христианских понятиях и тематизациях (изначального совершенства, падения, греха, вины, обреченности на страдание, парадоксальности, внутренней разорванности человека). Сложность, противоречивость человеческой природы рассматривается как ее сущностная черта.

В ранней повести писателя “Улыбка вечности” обитатели царства мертвых жаждут всей проблемности и полноты бытия. Мысль о естественной простоте, однозначности, повторяемости жизни приводит их в отчаяние. Бог в образе простого труженика, неутомимо и любовно пекущегося о творении, своим постоянным кропотливым трудом показывает, что это и есть главное содержание жизни. Утвердиться в бытии, придать своему существованию осмысленность, научиться быть счастливым — главное предназначение человека.

В эссе “Освобожденный человек” люди провозглашаются высшими существами, которым предоставлен огромный, богатейший, исполненный глубокого смысла мир. Возможности человека безграничны. Все предназначено для него: “Сокровища рассыпаны повсюду”¹⁰. Причина несовершенства человеческого бытия заключена в самом человеке, коренится в его сложности, и противоречивости. Человек призван осознать, стать отражением, воплотить двойственность, многоплановость жизни. Человек неизмеримо богаче, совершеннее всех других существ: “Он единственный был способен вместить в себя все”¹¹. В нем “жизнь наполнилась более возвышенным содержанием. Она стала судьбой, призванием, дорогой страданий”¹². Страдание — это горький, неизбежный удел человека. Оно заполнило его жизнь, стало сутью бытия. Объемля свет и тьму, разрываясь между добром и злом,

устремляясь к совершенству и творя преступления, человеческая душа не может быть спокойной и блаженной, она обречена на страдание. Человек оказывается средоточием какого-то разрыва в самих основах жизни, через его душу проходит раскол бытия. Нести, осознавать, искупать этот разрыв предназначено именно ему.

Человек призван соизмерять свою жизнь с вечностью, с непреходящим, бесценным, сохраняющимся. Мир высшего, святого и есть истинное бытие, к которому устремлен человек: «Конечно же, вечная жизнь есть — это единственно существующее. Как иначе могла бы существовать наша жизнь. Как бы она поддерживалась. Она была бы точно остров без гавани, без судов — оскудела бы и зачахла, ей неоткуда было бы брать свои богатства. Если бы у нее не было связи с вневременным бытием, с неисчерпаемым целым»¹³. Приобщение к высшему бытию, создание ценностей, соответствующих его критериям, следование его меркам делает земную жизнь осмысленной. Главный вопрос человеческого бытия: «Будем ли мы ценны для вечности. Обогадим ли ее»¹⁴. Человек всегда устремлен к совершенству, хотя он не может его достигнуть. Извечная тяга к высшему — залог подлинности, полноты, осмысленности человеческой жизни. Без святого в душе жизнь вообще невозможна. Человек неразрывно соединен со своей верой и мечтой, которые могут быть вымышленными, нелепыми, фантастическими, но без них человеку не жить.

Таковы некоторые мотивы и образы произведений Пера Лагерквиста, соотносимые с основными христианскими образами и тематизациями. Совершенное литературное мастерство, глубокое проникновение в духовные основы бытия, гуманистический пафос ставят творчество писателя в ряд высших достижений мировой культуры. Художественное своеобразие, сила и высота раздумий о мире и человеке, уникальный духовный опыт делают Пера Лагерквиста одной из уникальных фигур современной литературы.

¹ Цит. по: Наука и религия. 1987. № 9. С. 58.

² Например: Бернанос Ж. Под солнцем Сатаны. Дневник сельского священника. Новая история Мушетты. М., 1978; Грин Г. Монсиньор Кыхот. М., 1989; Грин Г. Сила и слава. Суть дела. // Грин Г. Собр. соч. В 6 т. Т. 2. М., 1993.

³ Манн Т. Иосиф и его братья: В 2 т. М., 1991.

⁴ Лагерквист П. Варавва. // Лагерквист П. Избранное. М., 1981; Грейвс Р. Царь Иисус. М., 1998.

⁵Фредриксон М. Дети рая. М., 1998; Панас Г. Евангелие от Иуды. М., 1987.

⁶ Лагерквист П. Наброски. Писатели Скандинавии о литературе. М., 1982. С.337.

⁷ Лагерквист П. Избранное. М., 1981. С.232.

⁸ Там же. С.192.

⁹ Лагерквист П. Избранное. М., 1981. С.444.

¹⁰ Лагерквист П. Избранное. С.430.

¹¹ Там же. С.436.

¹² Там же. С.437.

¹³ Там же. С.443.

¹⁴ Там же. С.443.

РЕПОЗИТОРИЙ ГЛУКИ